

На правах рукописи

СКИПИНА Ирина Васильевна

**ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ**

**07.00.09 - историография, источниковедение и
методы исторического исследования**

И. В. Скинпина

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Тюмень - 2003

Диссертация выполнена на кафедре документоведения, историографии и источниковедения Тюменского государственного университета

Научные консультант доктор исторических наук,
профессор
Евгений **Борисович** Заболотный

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор, академик
АН Республики Татарстан
Индус Ризакович **Тагиров**

доктор исторических наук,
профессор,
Михаил Григорьевич Суслов

доктор исторических наук,
профессор
Владимир Дмитриевич Камынин

Ведущая организация: Российский государственный
гуманитарный университет
(г. Москва)

Защита состоится ¹⁰ декабря 2003 г. в ¹⁶ часов на заседании диссертационного совета Д. 212. 274. 04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Тюменском государственном университете по адресу 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан ⁵ ноября 2003 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор*

 З. Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Гражданская война в России, во многом определившая дальнейшее развитие страны, является одной из самых изучаемых проблем в отечественной литературе. В последние годы увеличился поток информации по данной теме, обусловленный не только значительным числом исторических трудов, интеграцией гуманитарных исследований, сближением столичной и провинциальной науки, но и их содержательным изменением, расширением проблематики, обновлением теоретического и методологического инструментария. При этом продолжает оставаться актуальным анализ результатов изучения воздействия войны не только на общество в целом, но и на конкретных людей, на их жизненные ценности, мотивы поведения и последствия их деятельности, на повседневную жизнь населения. Необходимо дальнейшее изучение творческой лаборатории исследователя с учетом того, что историк не только погружен в современную ему общественную и профессиональную среду, но сам выступает фактором ее формирования и от него во многом зависит интерпретация событий. Если в советское время автор был «зажат» идеологическими установками, то сегодня он открыто высказывает свое мнение. Формирование поколения молодых ученых идет на научных принципах, свободных от диктата одного методологического направления, в условиях ускоренного обращения информации и упрочения международных связей историков, что не могло не отразиться на их исследовательских интересах и оценках ими трудов своих предшественников. Это ярко проявилось во время дискуссий по вопросам истории Гражданской войны.

Комплексное исследование достижений историков в сфере изучения жизнедеятельности человека в условиях войны создаст основу для дальнейшего анализа практики приспособления людей к режиму, даст возможность проанализировать их опыт с позиций новых теоретико-методологических подходов, актуализируя значимость представлений, самоопределения и поведения людей в изучении истории Гражданской войны. Важность темы определяется и современными тенденциями историографии, в которой вопросы историко-антропологического характера приобрели особую актуальность.

Состояние научной разработки проблемы. Историки уже много сделали в области изучения историографии Гражданской войны, в том числе и на Урале. Учеными признается значимость работ, написанных сразу по следам или в ходе самих событий и содержащих значительное количество фактических данных по рассматриваемой проблеме. По мере укрепления марксистского методологического подхода в науке историко-антропологической стороне вопроса уделялось все меньше внимания. Формационный принцип, надолго утвердившийся в науке, предполагал сосредоточение внимания ученых на исследовании объективных закономерностей, хотя подчеркивалась необходимость учета «человеческого фактора» в войне. Сегодня нет единого мнения о ситуации, сложившейся в научных коллективах в 1930 - середине 1950-х гг. Одни упрекают ученых в профессиональной непорядочности из-за сознательных ошибок, допущенных в освещении Гражданской войны в России. Вторые считают, что авторы оказались просто некомпетентными. Третьи пытаются заполнить этот этап развития исторической науки новыми находками, включая в научный оборот труды, написанные в 30-50-е гг., значительная часть которых так и не была опубликована и хранится в архивах. Однако большинство исследователей сегодня считают: историки не имели возможности публично высказывать особое мнение, и их работа затормозилась¹.

Во второй половине 1950-1960-х гг. в свет вышло большое количество книг о Гражданской войне, что и предопределило написание специальных историографических исследований. А. Я. Гуревич отмечал, что в годы «оттепели» у исследователей появился интерес к теории, методам и закономерностям развития историографии². Историографы 60-80-х гг. не отрицали необходимости изучения сложностей, с которыми сталкивались люди в период войны: проблем голода, разрухи, неустроенности населения и способов выживания в столь сложных обстоятельствах. Однако они не опровергали авторов, считавших, что такое положение являлось неизбежной платой за лучшую жизнь

¹ Афанасьев Ю. А. Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 146-168.

² Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 21-36.

при социализме, и дальше положительной оценки работ о роли выдающихся большевиков в ходе революционной борьбы историки не пошли. А. Л. Литвин, В. Д. Поликарпов, Е. Ф. Кривошеенкова, Л. М. Спиринов считали важными достижениями уральских исследователей работы по истории боевых действий Красной Армии и большевистского подполья, о противостоянии политических сил, закономерно закончившемся формированием союза рабочего класса и крестьянства, при этом обойти роль «маленького человека» авторам не удавалось. В свет вышли новые работы не только о героях, но и рядовых участниках борьбы. Следуя тогдашним представлениям, историографы говорили о необходимости применения марксистско-ленинской концепции, сосредоточивались на рассмотрении закономерностей, стараясь не замечать неразработанность казуального в истории Гражданской войны, подчеркивали актуальность социальной проблематики, понимая ее важность для дальнейшего изучения объективных причин войны, хода и исхода борьбы. Историографы не подвергали сомнению выводы советских историков о том, что планы большевиков по наведению порядка в стране отвечали интересам всего трудящегося населения. Особое внимание уделялось работам, призванным способствовать формированию «советского человека», носившим откровенно пропагандистский, воинственно-атеистический характер. Казалось, авторы не замечали того, что жизнь продолжалась и в условиях войны, несмотря на разлуки, лишения и болезни. Появились работы, написанные целиком на основе публикаций периодики. Этот опыт был достаточно интересен, так как позволял обобщить сведения, вышедшие в разнообразных изданиях продолжающегося характера.

Серьезное историографическое направление по изучению социальных сторон Гражданской войны сформировалось на Урале, и труды О. А. Васьяковского, В. Д. Камынина, Л. А. Фофановой, А. Т. Тертышного получили заслуженное признание. Важный вклад в изучение темы внесли и историки-сибиряки - М. Е. Плотникова, П. И. Роцевский³. Роль «человеческого фактора» в войне рассматривалась ими на примере нравственно чистых и справедли-

³ Васьяковский О. А. , Тертышный А. Т. Современная историография истории Урала периода гражданской войны. 1918-1920. Свердловск, 1984; Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири, 1918 - первая половина 1930 гг. Томск, 1974; и др.

вых лидеров большевистского движения. Деятельность людей, направленная на удовлетворение индивидуальных потребностей, проблемы самоопределения, факты недовольства некоторой части населения большевистской властью историографами не рассматривались, хотя работы, в которых данные аспекты находили отражение, все-таки выходили. Более важными, чем вопросы выживания человека в условиях войны, виделись закономерности исторического процесса, и эта традиция надолго укрепилась в историографии. Несмотря на то, что авторы не смогли освободиться от воздействия на них идеологического диктата, постановка социально-политических проблем сыграла важную роль в дальнейшем исследовании темы. Значительных успехов историки достигли в обобщении итогов исследований о влиянии высокого морального духа красноармейцев на их победы, зависимости ситуации на фронте от социально-экономического и политического положения в тылу, по вопросам взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Заметно активизировалось изучение истории политических объединений, что создавало условия для характеристики социального поведения основных групп населения Урала. Авторы не отрицали перспективность рассмотрения влияния политических идей на поведение людей на разных этапах Гражданской войны. Итоги исследований о положении уральских рабочих в период Гражданской войны обобщили В. В. Фельдман, Н. М. Щербакова, В. Д. Камынин, В. П. Иванов, Т. Ф. Кобылкин, А. Д. Антонов. Историографические проблемы истории уральского крестьянства активно разрабатывали Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева, И. Ф. Плотников, В. Н. Никитин, И. Шамшурина. Результаты изучения влияния вооруженной борьбы на положение населения Урала установили Н. Ф. Варгин, Л. М. Спирын, В. С. Скробов, Л. И. Футорянский. Особенности рассмотрения Гражданской войны в национальных районах Урала проанализировал З. А. Аминев. Заслуга ученых 1960 — середины 1980-х гг. состояла в том, что им удалось обобщить материал по социальным вопросам истории Гражданской войны на Урале. К середине 1980-х гг. стало ясно, что советская историография исчерпала себя, ее развитие приостановилось, и во второй половине 80-х гг. крупных исследований по теме в свет не вышло. В результате переосмысления историками своей роли в разработке проблемы они сами оказались в центре методологического кризиса, так как им при-

шлось менять принципы своей деятельности. Преодоление сложностей, которые возникли при изучении роли человека в ходе Гражданской войны, авторы связывают с процессом синтеза наук, способствующего обновлению теоретической и методической базы исследований.

Важной тенденцией современных исследований является расширение спектра историографического анализа, обновление теоретического и методологического инструментария. В этом отношении значительный интерес представили публикации Г. Д. Алексеевой, И. Д. Ковальченко, А. П. Логунова, О. М. Медушевской, В. А. Муравьева, Б. Г. Могильницкого, Л. П. Репиной, А. К. Соколова, И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. Разнообразие позиций ученых, равнозначный учет материального и духовного, экономического и социального при рассмотрении событий, понимание того, что человек является центром исследовательских изысканий не только историков, но и историографов, нашли широкое отражение в публикациях последнего десятилетия. Историки считают актуальным дальнейшее изучение историко-антропологических проблем, ментальности, особенностей психологического восприятия действительности, влияния всего комплекса обстоятельств на поведение людей. Ведется серьезное рассмотрение степени изученности различных сторон человеческого бытия. Ученые обратили внимание на то, что в публикациях до сих пор повседневная жизнь людей заслоняется политической борьбой, войнами, социальными сдвигами, в то время как обыденная сторона происшедшего является одной из самых важных в жизни человека.

Современная историографическая литература по истории Гражданской войны на Урале отличается широтой проблематики. Важный вклад в разработку теоретико-методологических аспектов темы внесли В. А. Муравьев, В. В. Алексеев, В. С. Прядеин, И. В. Побережников, А. В. Бакунин, Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, В. Ф. Мамонов⁴. В литературе взяли верх комплексный подход,

⁴ Муравьев В. А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 19- 27; Прядеин В. С. Актуальные вопросы методологии историографических исследований. Екатеринбург, 1995; Заболотный Е. В., Камынин В. Д. Историческая наука в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999.

рассмотрение событий как многомерных, сложных, изменяющихся, при этом общество видится как единство объективного и субъективного, хаотичного и стремящегося к самоорганизации. Авторы отметили рост интереса к истории Гражданской войны не только в среде ученых, членов исторических обществ, работников музеев, архивов, но и широкой общественности, публицистов, писателей, общественных деятелей. Актуализация исследования историко-антропологических сторон истории Урала не является специфической особенностью региона и отражает общие тенденции развития науки⁵.

Проблемам противоборства политических сил на Урале посвящены публикации В. В. Московкина, А. А. Коробкина, Е. П. Сичинского, С. Ю. Мальшевой. Итоги осмысления экономического состояния Урала в 1918-1921 гг. подвели С. Е. Алексеев и О. Ю. Никонова, Н. В. Ильченко, Н. И. Дмитриев. Труды В. В. Дубленных, И. С. Баклановой посвящены итогам изучения военного строительства и боевым операциям Красной Армии. В исследованиях А. Н. Крупиной и В. Л. Телицына, анализируется литература об уральском крестьянстве в период Гражданской войны. Изучению взаимоотношений между крестьянством и властью посвящена монография А. Т. Тертышного и А. В. Иванова⁶. Историография казачества активно рассматривается Л. И. Футорянским и Н. А. Хвостовым. В трудах В. Д. Камынина и М. А. Фельдмана обобщены результаты исследования истории рабочего класса Урала. Итоги анализа особенностей психологии уральцев приведены в публикациях В. В. Пундани, Н. И. Музафаровой, А. А. Зайцева, О. С. Поршневой. В последние годы появились серьезные историографические публикации А. В. Квакина, В. Л. Соскина, М. В. Главацкого, в которых рассмотрена литература о драматических переживаниях российской интеллигенции по поводу имеющегося

⁵ Образы историографии: Сб. статей. М., 2001; Соколов А. К. Социальная история новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 39-79; Историк в поиске: Микро - и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

⁶ Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917-1921 гг.): Опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002.

противостояния в обществе. Имеются историографические исследования В. Д. Зиминной, Г. А. Бордюгова, А. И. Ушакова, В. Ю. Чуракова, В. Т. Тормозова, Т. А. Немчиновой о белом движении. Комплексный подход в изучении темы характеризует работу А. С. Верещагина⁷. Историографическое изучение самоопределения и социального поведения, всей жизнедеятельности человека в условиях Гражданской войны на Урале расширит поле дальнейших исследований этого сложного периода, будет способствовать утверждению корреляции научного поиска с личностью, как жившей, так и живущей.

Целью данной работы является комплексный историографический анализ знаний, накопленных в российской науке XX века, в сфере изучения истории жизнедеятельности человека в условиях Гражданской войны. Он предполагает рассмотрение учеными физических и моральных трудностей выживания, внутренних переживаний, их проявлений в общественной и индивидуальной жизни, а также учет авторами тех динамичных изменений, которые происходили во всех сферах человеческого бытия, включая жизненные приоритеты, в том числе и последствий воздействия на людей пережитого опыта войны. Осуществление данной цели будет способствовать преодолению «обезличивания» истории, позволит рассмотреть человека деятельным, способным не только подчиняться законам бытия, но и влиять на реальность. Сегодня люди, как никогда, нуждаются в понимании, прежде всего, самих себя, что невозможно без понимания опыта предшественников.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

— изучение теоретико-методологического инструментария, научных принципов, методов, самого процесса поиска учеными эффективных приемов исследования условий жизни и способов выживания людей в годы Гражданской войны, а также анализа последствий военного опыта;

⁷ Тормозов В. Т. Белое движение в Гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998; Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; Верещагин А. С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917-1921 гг.). Уфа, 2001.

— выявление воздействия внешних и внутренних факторов развития науки на работу историков; установление вклада в изучение рассматриваемой темы каждого поколения исследователей;

— проведение анализа состояния источниковой базы проблемы, ее информационных возможностей и перспектив расширения, установления зависимости глубины изучения проблемы от информативных возможностей источников, в том числе и способов их научного анализа;

— рассмотрение истории формирования проблематики темы с учетом актуализации микропроблем, вопросов положения «маленького человека» в условиях войны;

— изучение освещения в исторических сочинениях ментальных, традиционных взглядов населения и их влияния и на устойчивые, и на меняющиеся элементы массового и индивидуального сознания, поведение, результаты деятельности человека в условиях войны;

— анализ итогов изучения российскими учеными воздействия войны на повседневную, общественную и частную жизнь, установление полноты реконструкции авторами социального и индивидуального поведения уральцев на разных этапах Гражданской войны, специфики жизнедеятельности представителей различных социальных групп (горожан, крестьян, интеллигенции, военных, рядовых сторонников большевиков и управленцев, маргиналов);

— рассмотрение достижений историков в сфере изучения человека, детерминированного культурно-исторической средой Гражданской войны, объяснения трансформаций жизненных приоритетов и человеческих ценностей, способов и последствий их реализации в условиях войны.

Объектом исследования в диссертации стали опубликованные и неопубликованные труды отечественных историков, в которых нашли отражение вопросы жизнедеятельности человека в условиях Гражданской войны. Это в основном исторические исследования, созданные как в центре, так и на местах, а также работы зарубежных авторов, в том числе и эмигрантов, которые привлекались с целью формирования более полного представления о точках зрения исследователей по рассматриваемой теме. Использовались и материалы об организации научной работы, неопубликованные сочинения исследователей, а также фонды личного характера, характеризующие отношения между самими историками, а также историками и широкой общественностью.

Предметом исследования стал процесс накопления знаний по теме, анализ результатов научного поиска ученых, предполагающий оценку итогов работы авторов и их роли в объяснении жизнедеятельности человека в условиях Гражданской войны на Урале. Изучение темы исследователями рассматривается в динамике: анализируется расширение источниковедческого пространства, оценивается эффективность теоретических подходов и методов, которые использовались в ходе изучения темы, выделяются основные этапы разработки проблемы с учетом как внешней ситуации, то есть воздействия общества на научные исследования, так и внутренней обстановки, царящей в творческих коллективах ученых. Главными сюжетами историографического анализа стали проблемы, в которых Гражданская война разрабатывается в рамках опыта, переживаемого людьми, с учетом представлений современников о происходящих событиях, их менталитета, самосознания, самоидентификации, социального поведения, конкретных результатов и последствий их деятельности.

Хронологические рамки работы. С точки зрения исторической проблемы работа охватывает время с конца 1917 по весну 1921 г. Мнение историков о хронологическом периоде Гражданской войны не является однозначным. Одни исследователи считают началом войны осень 1917 г. , вторые - май 1918 г. , есть другие точки зрения. Нет единства мнений и относительно завершающего периода военного противостояния. Большинство ученых выступление чехословацкого корпуса признается начальным, а крестьянские восстания 1921 г. , после которых массовых выступлений против большевиков на Урале уже не наблюдается, — последним этапом вооруженного противостояния. Именно этому периоду и посвящен основной пласт литературы по рассматриваемой теме. С точки зрения рассмотренного историографического материала данная работа охватывает период 1917—2003 г. , который рассматривается в рамках периодизации, предложенной ведущими историографами Урала О. А. Васьковским, Е. Б. Заболотным, В. Д. Камыниным и А. Т. Тершышным. Они выделяют в развитии исторической науки после революции 1917 г. три основных периода: с 1917 г. до конца 1920-х гг. , 1930-1980-е гг. и с конца 1980-х г. до настоящего времени. Первый период характеризовался противоречивыми тенденциями в науке, явным противостоянием дореволюционных и советских историков. Во второй период взяла верх советская историческая школа и марксистско-

ленинская методология, что привело к превалированию схематичных сочинений. Несомненно, что сочинения российских авторов, работавших за рубежом, не несли на себе печать единообразия, но они, также как и труды, написанные «в стол» и не вышедшие в свет, не могли оказать в силу своей недоступности серьезного влияния на изучение темы. Третий период отличается плюрализмом мнений историков, укреплением источниковой основы их трудов, разнообразием научных подходов в исторических исследованиях.

Территориальные рамки. В данной работе историческая проблема рассматривается на материалах Урала. Территориальные рамки работы определить крайне трудно из-за подвижности административных границ Урала в период революционных преобразований и частой смены властей. Географические границы данного сочинения включают Большой Урал (Вятскую, Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую губернии) и часть Зауралья (Тюменскую губернию), так как эти регионы связаны геополитически и процессы, имевшие здесь место в 1917-1921 гг., не удалось изолировать. Административные территории на протяжении рассматриваемого периода несколько раз перекраивались: значительная часть Оренбургской и Уфимской губерний была включена в 1919 г. в состав Башкирии, два уезда Оренбургской губернии большевики передали в 1919 г. Уфимской губернии, а к Пермской губернии присоединили часть Вятской. Вновь созданная Екатеринбургская губерния считалась территорией Зауралья. Уфимская, Челябинская, Пермская, Екатеринбургская и Тюменская губернии в 1919 г. входили в состав Приуральского военного округа, образованного 3 октября 1919 г. В декабре 1919 г. Тюменская и Омская вошли в состав Омского военного округа. В 1923 г. Екатеринбургская, Пермская, Челябинская и Тюменская губернии вошли в состав вновь созданной Уральской области.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые на основе разнообразных методологических подходов и широко источниковом материале автором проведен комплексный анализ изучения историками условий жизни человека в период Гражданской войны на Урале. Обращение к фигуре самого исследователя позволило рассмотреть не только как он видел события, но и какие представления о войне старался сформировать у читателя. Впервые осуществляется анализ изучения историками влияния менталитета, традиций на самоопределение и

социальное поведение граждан, с учетом разнообразных причин изменения настроений населения Урала, имевших место на протяжении гражданского конфликта. В диссертации впервые анализируются мнения исследователей о социальной структуре российского общества периода Гражданской войны, рассматриваются изменения, происходящие на каждом из этапов борьбы. Новизна диссертации заключается в подведении итогов изучения отечественными историками жизнедеятельности человека в период глубокого социального раскола, преодолевавшегося долгие годы, в анализе выявленных историками ценностных установок и планов по их реализации, существующих у разных категорий граждан, а также их изменений в годы войны, в выявлении дискуссионных моментов в изучении темы. Автор впервые обращается к рассмотрению исследователями социальной иерархии советского общества, влиявшей на общественную атмосферу периода Гражданской войны, при этом анализируются противоречия и сложности в освещении путей формирования «нового человека» в годы войны, имевшие место в публикациях. Новаторским является историографический анализ одновременного воздействия войны на общественную и частную жизнь людей. Дается подтверждение выводов историков документальными данными, которые приводятся в доказательство той или иной позиции, большинство источников вводится в научный оборот впервые. В работе подведены итоги изучения истории жизни и деятельности человека в обстановке войны, что необходимо для дальнейшего исследования как истории Гражданской войны на Урале, так и в стране в целом.

Методологической основой данной работы является цивилизационный подход. Он позволяет с наибольшей полнотой представить социокультурную канву происходящих процессов, учесть наличие объективных и субъективных моментов, микро- и макрофакторов, оказывающих воздействие на людей. Цивилизационному подходу не противоречит многоуровневое и разностороннее видение пространства, он дает возможность учесть трансформации, происходящие в обществе как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях, позволяет уловить процесс глобализации, имеющий место в историографии XX в.

В исследовании были использованы традиционные и инновационные методы. Приходилось опираться на те общенаучные методы познания, которые позволяют рассматривать человека

не только включенного в социум, но и активно воздействующего на него, признавая личность центром исследовательского поиска. Оказалось необходимым включение в методологический багаж достижений смежных областей знания — историографии, источниковедения, исторической антропологии, философии, психологии, социологии, права и других отраслей гуманитарных наук, занимающихся изучением взаимодействия человека и общества. В работе использовались исторический, сравнительный, описательный, типологический, аналитический, проблемно-хронологический методы. Системно-структурный метод оказался необходим для выявления узловых моментов в изучении данной темы, объяснения явлений на уровне взаимосвязей и взаимозависимостей, что позволяло более полно учесть состояние изученности рассматриваемых проблем на каждом из этапов развития науки. Данный метод позволил создать базу для построения интегральной модели, в которой человек не выглядит сформированным либо только социально-экономическими, либо только культурными факторами, а предстает реализующим свои представления и мысли в пространствах, которые могли быть и бесконечно большими, например, страна, регион, город, и предельно малыми, например, дом, семья. В работе использовался метод исторического синтеза, который обеспечил возможность учесть как материальную, так и духовную составляющую проблемы. Сложность исследования состояла в том, что было необходимо обращение и к макроистории, к воздействию войны на общество в целом, и к микроистории, к особенностям войны на заданном участке, к событиям, которые происходили с конкретными людьми, к рассмотрению места «маленького человека» в истории Гражданской войны на Урале. Несомненно, что основное внимание сосредотачивалось на микропроцессах, на анализе историками жизнедеятельности рядовых людей, истории повседневной, частной жизни, что позволяло раскрыть поставленную цель более основательно. Микроисторический подход дал возможность рассмотреть детали, казусы, присмотреться «к индивидуальным стратегиям людей, разглядеть ранее не замеченные тенденции или явления в жизни изучаемой эпохи»⁸. Данный подход помог выявить значи-

⁸ Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России - II: Семь лет спустя. М., 2003. С. 193.

мость факторов, оказывающих серьезное воздействие на жизнь человека в условиях войны, оценить вклад конкретных ученых в исследование данной проблемы. Историко-антропологический подход позволил сосредоточиться на рассмотрении микромиров, моделей поведения, привычек людей, взаимодействия их в группах, перейти от описания «исторических моментов» и громких событий к изучению рутин. Весьма результативен при анализе поставленной проблемы оказался тендерный метод. Полезными стали методы лингвистического анализа, позволяющие детально разобраться в языке эпохи, являющемся ярким отражением реальности рассматриваемого периода.

Эффективным стало и использование принципа экзистенциализма. Основы его заложил Ж. П. Сартр, который писал: «Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность»⁹. Синергетика дала возможность объемного и динамичного рассмотрения сложных исторических систем, с учетом их саморазвития и активного поведения подсистем, и включенных в них людей, действующих в соответствии со своими интересами внутри подвижного социума, время от времени переживающего точки бифуркации, центром которых является человек. Достижение цели, поставленной в диссертации, невозможно без использования междисциплинарного подхода, дающего возможность использования методических достижений других гуманитарных наук. В работе оказались полезными общепризнанные методы источниковедческого анализа - выявление, отбор, научная критика источников. Выбор темы и подходов для ее изучения, определение круга источников, в целом «культура творчества историка» дают представление о том, с какой степенью основательности исследователю удалось объяснить условия жизни, особенности деятельности человека в обстановке войны. Ни один из методов не стал универсальным, все они способны уловить, с той или иной степенью точности, отдельные стороны изучаемых человеком явлений.

Источниковой базой работы послужил комплекс исторической, историко-экономической, обществоведческой, краеведческой, публицистической литературы, в которой с той или иной

⁹ Сартр Ж. П. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 343.

степенью основательности раскрываются вопросы существования человека в условиях Гражданской войны на Урале. Это сочинения теоретико-методологического характера, обобщающие работы по истории Гражданской войны, труды по конкретной проблематике, статьи, тезисы выступлений на научных конференциях, брошюры, диссертации и авторефераты диссертаций, научно-популярные и публицистические издания. Пришлось осуществить и переоценку публикаций, вышедших в прошлые годы, с учетом изменения научной парадигмы, кроме того, появилась возможность включить в историографическое рассмотрение ранее недоступные для анализа труды. Серьезным фактором, оказавшим влияние на изучение поставленной проблемы, явились публикации зарубежных коллег. Их исследования были привлечены для объяснения историографического процесса в России.

Спецификой современного историографического исследования является обращение непосредственно к документальному материалу, так как без привлечения достижений источниковедения трудно оценить уровень профессионализма авторов и качество исторических сочинений. В работе использовались сочинения, выступления, материалы переписки видных общественных и государственных деятелей. Оказались полезными законодательные акты правительств, власть которых распространялась на рассматриваемую в диссертации территорию. В работе были использованы программные, уставные и директивные документы политических партий и объединений, данные съездов, конференций, пленумов, рассматривающих проблемы изучения истории Гражданской войны и по идеологическим вопросам, ценные сведения имеются в материалах делопроизводства разных ведомств. Важные данные были почерпнуты в источниках личного характера, в числе которых письма, жалобы, воспоминания. Серьезный материал содержат политические, философские и публицистические сочинения. Разноплановая информация имеется и в периодических изданиях.

Особую ценность представляют фонды центральных архивов. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде Наркомата просвещения хранится значительный комплекс источников по организации исследований истории Гражданской войны, который помогает более полно представить работу коллективов ученых и конкретных исследователей, восстановить ситуацию в творческих кругах на каждом из этапов разработки темы. В ос-

новном это материалы делопроизводства: приказы, протоколы, деловая переписка между научными учреждениями и учеными по вопросам организации работы и публикации научных трудов. Важные материалы содержит фонд Наркомата юстиции. Они были весьма полезными при анализе правового положения уральцев в период Гражданской войны. В их числе материалы избирательных комиссий, доклады о состоянии и подчиненности мест заключения, количестве заключенных и характере преступлений, а также мерах по их пресечению. В Российском государственном военном архиве (РГВА) хранятся полезные материалы, относящиеся непосредственно к рассматриваемому периоду 1918-1922 гг. Их характер весьма разнообразен. Это служебные записки, доклады с мест, данные разведки, обзоры и сводки наблюдателей и информаторов о состоянии воинских частей и настроении населения прифронтовых районов, материалы переписки, анкетные данные участников вооруженной борьбы, выступления официальных лиц и рядовых участников событий на собраниях и конференциях разных уровней, письма «во власть». Особую ценность представили документы фондов Уральского военного округа, Управления армиями Восточного фронта, управления 2-й, 3-й, 4-й, 5-й армий Восточного фронта, Управления 1-й революционной армией труда, Всероссийского главного штаба, Высшего военно-редакционного совета. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) особенно важен был фонд отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), содержащий сведения о деятельности общественных организаций и политических объединений по изучению Гражданской войны в центре и на местах. Особый интерес вызвал фонд Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, содержащий материалы некоторых дискуссий, тексты некоторых обсуждаемых работ, сведения об их редактировании, заключения о представлении трудов по истории Гражданской войны к публикации.

Значительный фонд данных по истории Гражданской войны в рассматриваемом регионе хранится в местных государственных архивах - Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) и Государственном архиве общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). В ходе работы привлекались документы делопроизводства ученых советов вузов, содержащие данные об организации, специфике творчества исследователей в разные периоды изучения темы, а также личные фонды истори-

ков, содержащие неопубликованные рукописи, материалы издательств, подготовительные материалы к изданию документальных сборников и научных трудов. Особый интерес вызвали документы делопроизводства местных органов управления и их исполкомов, военкоматов, сведения статистических бюро, учреждений здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, правопорядка, комитетов помощи голодающим, относящиеся к периоду Гражданской войны. Большая часть неопубликованных источников вводится в научный оборот впервые.

Практическая значимость работы. Рассмотрение социальных сторон Гражданской войны в крупных регионах России отечественными историками способствует анализу причин, сути, хода, итогов и исторического значения данного события, объяснению как закономерных тенденций, так и субъективных факторов войны, активизирует изучение проблем ментальности, повседневности, самоопределения и социального поведения людей в условиях войны. Исследование указанных проблем авторами расширяет поле для дальнейшего изучения этого сложного периода, утверждая необходимость корреляции научного поиска с человеком. Актуализация микропроблем, в том числе и историографического порядка, формирует поле для дальнейшего анализа, в котором индивидуальное не противоречит общественному, а логично вписывается в систему коллективных отношений. Итоги данной работы могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Гражданской войны и трудов по историографии истории России.

Апробация основных положений и результатов исследований проводилась на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, состоявшихся в Москве, Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Тюмени, Ишиме, Омске. Основное содержание диссертации изложено в 50 публикациях, общим объемом 50 условных печатных листов. Материалы диссертации использованы при написании учебных пособий для школьников и студентов, они стали основой многих методических разработок, использовались при подготовке спецкурсов и курсов лекций по историографии и источниковедению отечественной истории, прочитанных студентам Тюменского университета, при определении тем курсовых и дипломных сочинений, при написании статей для издания «Энциклопедия Тюменской области». Диссертация обсуждалась на заседании кафедры документоведения, историографии и источниковедения Тюменского государственного университета.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность, новизна и значимость темы работы, рассматривается степень ее научной разработки, определяются цель и задачи диссертации, указывается объект и предмет исследования, отмечаются хронологические и территориальные рамки работы, дается характеристика методологии и источниковой основы работы.

В первой главе - «Теоретические и методические проблемы изучения историко-антропологических сторон Гражданской войны на Урале» — дана характеристика исследователя истории Гражданской войны на Урале, рассмотрены проблемы формирования и совершенствования теоретической и методологической базы трудов российских историков, проанализированы информационные возможности источников о жизни населения Урала в годы Гражданской войны. Современный исследователь становится все более антропологически ориентированным, хотя стремление понять роль личности в истории имеет глубокие традиции. Эти вопросы ставились в отечественной историографии уже в 20-е гг. , но и взявшие верх схематичные методологические подходы и ограниченный доступ к источникам не позволяли развивать исследования в направлении комплексного анализа всех сторон жизни людей в условиях Гражданской войны, что могло бы обеспечить научное объяснение рассматриваемой проблемы. В советский период исследование темы затормозилось, но ученые, несмотря на трудности существующие в исторической науке и во многом обусловленные ситуацией в самом обществе, сделали много для подготовки базы всестороннего историко-антропологического анализа в локальных социумах. Среди историков-современников, разрабатывающих вопросы истории Гражданской войны, преобладают ученые «со стажем», они составляют основной костяк авторов, выпустивших значительные работы в последнее десятилетие, постепенно совершенствуется творческая лаборатория ученых, столичная и провинциальная наука сближаются. Современная историография, развиваясь в условиях глобализации, увеличения контактов между представителя-

ми различных научных школ и направлений, имеет более гибкую организационную структуру, демонстрирует разнообразные методологические подходы, выходя на уровень междисциплинарных исследований.

Сегодня нет одного методологического пути изучения Гражданской войны. Авторы строят свои гипотезы, опираясь на достижения исследователей разных эпох. Для одних важна критика объективного видения событий и философская антропология В. Дильтея, другим необходим персонализм Н. А. Бердяева, третьим особенно важны достижения школы «Анналов». Ряд историков обратили внимание на ценность изучения революционной ментальности М. Вовелем, многие отметили серьезность изучения духовного напряжения человека в судьбоносные моменты истории К. Ясперсом, некоторые авторы опираются на выводы М. Вебера при анализе противоборства политических сил в России. Многими учеными замечается эффективность «лингвистического поворота» в современной историографии, обеспечившего углубленный анализ текстов. Отход от единого методологического подхода привел к разнообразию позиций историков по проблеме, обусловил равнозначный учет материального и духовного, экономического и социального, коллективного и индивидуального, закономерного и случайного, рефлексивного и нерефлексивного при анализе событий. Разнообразие методов исследований, актуализация антропологического и тендерного анализа, методов семиотики, синергетики, системного подхода позволили значительно продвигаться в рассмотрении жизни населения Урала в годы военного противостояния. Главный итог исследований состоит в том, что методологический кризис в изучении темы, имевший место после отказа от позитивистских представлений в изучении прошлого, преодолен и возвращение к партийному, схематичному подходу в ее рассмотрении стало невозможно. Ученые сегодня идут по пути создания новой научной парадигмы, в центре которой находится человек¹⁰.

Наметился процесс вовлечения в научный оборот новых источников. В их числе официальные документы, данные общественных организаций и объединений, фонды личного характера, лите-

¹⁰ Гражданская война и культура: Материалы международной науч. конф. М., 1996; Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Человек и война: Война как явление культуры. М., 2001.

ратурные произведения, периодика, другие материалы, свидетельствующие о жизни и элитарных слоях общества, и представителей рядового народа, жителей городов и деревень, центра и провинции. Важный вклад в изучение источников внесли А. И. Штыка, А. Н. Никитин, В. Т. Тормозов, Е. В. Луков, С. В. Дроков. Рассмотрение текста как проявления конкретной эпохи, содержащего не только факты, но и сведения о внутреннем состоянии человека, дало возможность создать более яркие и глубокие работы по теме. Комплексный анализ источников разных видов позволил учесть мотивы поведения и отдельных людей, и целых социальных групп, при этом обратить внимание на роль представлений, идеалов, жизненных ценностей, настроений на социальную ориентацию и деятельность людей, объяснить их конкретные поступки. Историки, сосредоточившись на творческом и комплексном изучении источников и литературы, используя новые приемы научного анализа, а также результаты исследований, сделанных на стыке наук - отечественной истории, историографии, источниковедения, философии, политологии, создали базу для формирования историко-антропологического облика Гражданской войны, в котором центром конфликта является человек.

Во второй главе - «Исследователи о менталитете, самосознании и социальном поведении участников антибольшевистского движения на Урале» — рассматриваются мнения авторов о ценностных установках «демократической интеллигенции» и попытках их реализации на Урале. В главе анализируются представления авторов о нравственных принципах и социальном поведении офицерства в годы Гражданской войны, исследуется отражение в трудах отечественных историков самоопределения и общественного поведения рабочих и крестьян, при этом учитываются представления ученых о менталитете и поведенческом выборе уральцев в период вооруженной борьбы.

Проблема общественно-политической ориентации населения Урала привлекала ученых уже в ходе борьбы, но объяснить ситуацию современникам было трудно. В советской историографии взяли верх схематичные оценки, в соответствии с которыми трудящееся население выступало на стороне советской власти, а за колеблющиеся элементы, например крестьянство, пришлось вести борьбу с контрреволюцией. В постсоветский период изучение проблемы значительно продвинулось, вышли

глубокие исследования по истории антибольшевистского движения, появилась возможность ознакомиться с достижениями эмигрантов и зарубежных исследователей по проблеме. Значительный вклад в изучение проблемы внесли уральские и сибирские исследователи.

М. В. Главаций и В. Л. Соскин показали драматические переживания в военный период российской образованной элиты, объяснив это сложностями отказа от традиционных жизненных ценностей. Е. П. Сичинский, А. В. Калягин, В. А. Лапандин указали на реалии «третьего пути» в революции, связав их с авангардной позицией интеллигенции на Урале в антибольшевистской борьбе в начале Гражданской войны. Интеллигенцию поддерживали часть офицерства, монархистов, буржуазии, некоторые высоко оплачиваемые рабочие и зажиточные крестьяне. На их стороне, подчеркивает В. А. Кожевников, был чехословацкий корпус.

Г. А. Трукан допускал, что теоретически временные правительства, в которых ведущую роль играла демократия, могли стать альтернативой коммунистам в случае, если бы им удалось достичь единения с другими антибольшевистскими силами и привлечь на свою сторону большую часть населения. Существование непреодолимых противоречий между политиками на Урале усмотрели П. П. Волохин, Е. Н. Сергеева, М. И. Лохудзяев. В Комуче, по данным В. В. Журавлева, преобладали эсеры-центристы. В. Г. Медведев установил факты давления на Самарское руководство со стороны правых эсеров. Омичи, отметили авторы, собрали «политический конгломерат» при доминировании «правоцентристов». Роль буфера, подчеркивали Е. П. Сичинский и С. П. Васильченко, отводилась Временному правительству Урала. Уральцы оказались между претендовавшим на общегосударственную власть Комучем, пишет А. А. Коробкин, и Временным Сибирским правительством, ведущим политику экспансии на запад. Получается, что Временное правительство Урала испытывало претензии на свои территории с обеих сторон, а население региона стало заложником борьбы временных властей Урала и Сибири. Нельзя не согласиться с Н. С. Ларьковым и М. В. Шиловским, заметившими, что политические баталии являлись верхушечными и основная часть граждан летом — осенью 1918 г. оставалась в стороне от общественной жизни, но противоречия между политиками создавали базу для размеже-

вания и внутри общества. Многие уральцы, особенно в городах, симпатизировали кадетам, эсеры пользовались доверием в районах Уфы и Самары. М. И. Лохудзяев заметил снижение политического влияния эсеров во второй половине 1918 г. Сами эсеры говорили, что левые ближе народным низам, а правые обывателям. Под влиянием общественности, требующей стабильности и объединения усилий властей, правительства Урала и Сибири пошли на компромисс и сформировали в сентябре 1918 г. Директорию, призванную выполнять функцию централизации управления территориями. М. В. Шиловский, говоря словами эсеров, называл Временное Всероссийское правительство объединением всех «главных» политических сил. Неоспоримым является, по мнению ряда историков, тот факт, что Директория задачу объединения не выполнила, и несогласие между регионами урегулировать не удалось. Отсутствие реальных планов, поддержанных гражданами, нерешительность руководителей усугубляли проблемы, имеющиеся у населения. История «демократической контрреволюции» приобрела человеческое лицо, благодаря трудам М. В. Шиловского, Н. С. Ларькова, А. А. Петрушина, П. М. Вибе, И. Ф. Плотникова, Н. И. Дмитриева и других авторов. Историки связывают неудачи временного руководства с учетом ими интересов большинства населения. Предпринимателей, писали О. Ю. Никонова, В. С. Алексеева, В. М. Рынков и А. Д. Казанчиев, не устраивало регулирование властями экономических отношений, а рабочих, считали Н. И. Дмитриев и С. В. Макарчук, не удовлетворяло падение жизненного уровня Ю. Г. Лончаков представлял одним из самых сложных для властей земельный вопрос. Либералы поощряли развитие мелкой собственности, предполагая постепенное отмирание общины, но не нашли поддержки в российской глубинке. Т. В. Осипова подтвердила справедливость мнения исследователей о существовании крестьянской оппозиции на Урале всем и всяким режимам. Историки отмечали преобладание граждан, не желавших воевать, тех, кто считал общественное спокойствие основным залогом улучшения социально-экономического положения людей. Об этом свидетельствует отказ противоборствующих сторон от добровольческого формирования частей и переход к комплектованию армий путем мобилизаций, а также применение жесткого наказания для дезертиров. Временные правительства, поддержавшие лозунги национального самоопределения и автономии, отвечающие интересам населения от-

дельных территорий, по мнению Д. А. Аманжоловой, Н. В. Подпрятава, Н. И. Наумовой, не смогли расширить свою социальную базу. Нарращивание силы не привело к стабилизации положения в регионе. Наоборот, в современной литературе утвердилось мнение о падении престижа властей из-за насильственных мобилизаций, конфискаций лошадей, фуража, снижения уровня жизни населения. Современные авторы не закрывают глаза и на факт роста численности Красной Армии. Таким образом, исследования последних лет дают основания утверждать, что шла мощная эскалация войны, в которую вольно, а чаще невольно втягивалось все больше рядовых граждан.

Военные, являвшиеся выходцами из разных социальных слоев, перенесли в свои ряды раскол, существующий в обществе. Армия, как и весь народ, отмечают В. М. Воинов, С. И. Константинов, А. Г. Кавтарадзе, раскололась пополам. С. В. Рыбаков, С. Г. Кара-Мурза считают борьбу большевиков и белых войной «Февраля с Октябрем», так как это было, по их мнению, противостояние разных отрядов революционеров: западников, вошедших в ряды белых, и большевиков, являвшихся выразителями российского анархического, крестьянского коммунизма. Однако эта точка зрения представляется упрощенной, так как в среде белых не было единой социально-политической ориентации. Среди них, действительно, было много сторонников буржуазной России, которым оказались близки идеи либерализма, но в их частях оказалось и немало сторонников монархии, не нуждающейся в реформации западного образца. Положение осложнялось и тем, что распад российской политической элиты произошел наряду с разломом внутри самого народа. Нельзя забывать и о значительной удаленности пролетарских и крестьянских ценностей друга от друга. На состояние боеспособности воинских соединений влияло и то, что и красные, и белые части, по подсчетам С. В. Рыбакова, с которым согласна Т. В. Осипова, состояли на 77% из крестьян, многие из которых не по своей воле оказались в армейских рядах и одинаково сопротивлялись и белому, и красному режимам¹¹. В то же время целые отряды уральских рабочих оказывались по разные стороны бар-

¹¹ Рыбаков С. В. История России: вторая половина XIX-XX вв. Екатеринбург, 1995. С.108-109, 124-12; Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 119.

рикад. Например, вопреки «классовым интересам», как писали советские исследователи, «одурманенные» белой пропагандой, ижевцы и воткинцы вошли осенью 1918 г. в армию Колчака. Такое положение еще раз подчеркивает, что конфликт коснулся не только социальных, экономических, но и ценностных ориентиров людей и их самоопределение не всегда зависело от социальной принадлежности. Значительная часть интеллигенции после прихода к власти Колчака встала в оппозицию руководству. С. А. Красильников отмечал, что современные ученые не считают провинциальную интеллигенцию более консервативной, чем в центре. Большинство представителей образованных людей оказалось в трудной ситуации выбора. С одной стороны, росло их отчуждение от военного режима, с другой - не устраивали и большевики.

Исследователи обратились к изучению истории белого движения, появилась возможность рассмотреть вклад в анализ проблемы историков-эмигрантов. Большое значение имело изучение взглядов и поведения лидеров белых. По мнению В. Д. Зиминной, С. В. Дрокова, И. Ф. Плотникова, Г. А. Трукана, В. И. Шишкина, С. В. Устинкина, многих граждан белые притягивали приверженностью русским традициям, национальной самодостаточностью, защитой прав собственности и рынка. Эти настроения развеялись под воздействием прозападной внешней политики, насильственных мобилизаций, жестокости по отношению к мирному населению. По убеждению С. В. Волкова, Е. В. Волкова, В. М. Воинова, Д. Г. Симонова, белые оказались сильны профессиональными военными, но пополнение армии мобилизованными крестьянами, солдатами, не имеющими опыта, «нередко не желавшими воевать, ослабляло части. Весной 1919 г. началось массовое дезертирство из армии Колчака, причем не только мобилизованных солдат, но и разочарованных белых офицеров. Все закончилось трагедией целого движения. Историки пока мало учитывают материальную сторону положения офицеров, объясняя их выбор только моральными принципами. Однако финансовая сторона играла не последнюю роль в самоопределении военных.

М. А. Фельдман, И. К. Рафиков, Ю. М. Иванов, Н. Н. Алеврас, Л. Н. Бехтерева подчеркнули факт значительного ухудшения уровня жизни рабочих в годы войны в сравнении с показателями царской России. В. Ж. Цветков, Н. И. Дмитриев уверены, что выступления рабочих против властей были сродни крестьянским

бунтам, что объясняется «размытостью» рабочих выходцами из сел, а также ухудшением уровня жизни в целом. Д. О. Чураков указал на сближение рабочих с «третьей силой» в революции, особенно с эсерами, что проявилось в недовольствах в Ижевско-Воткинском районе. Не довольны были властями и крестьяне. По подсчетам В. Л. Телицына, с декабря 1917 г. по декабрь 1918 г. зарегистрировано 42 заметных выступления уральских крестьян против коммунистов. Причем недовольство большевиками в деревне в указанный период нарастало. Несогласие с коммунистами, как отметили А. П. Абрамовский и В. С. Кобзов, проявляло и уральское казачество, стремящееся к автономии. Оренбургское казачье войско, по данным Д. А. Сафонова, к осени 1918 г. имело в строю около 11 тыс. человек, в Красной Армии служили 7 - 8 тыс. казаков, причем имели место переливы из одной армии в другую¹². Это подтверждает факт раскола и в казачьей среде. Л. И. Футорянский и В. Ф. Мамонов указывают, что под воздействием революции изменились глубинные основы характера населения Южного Урала, последние стали эмоциональнее и жестче. Нейтралитет казачества не устраивал ни одну из сторон, за них шла постоянная борьба участников конфликта, что усугубляло напряжение в казачьей среде. Не всегда «крестьянский менталитет», «офицерская честь», традиционная интеллигентская оппозиционность, «казачья солидарность» определяли поведение людей. Исследование проблемы показало необходимость учета не только ментальности больших социальных групп, но и поведения конкретных представителей интеллигенции, крестьянства, рабочих, так как они вырабатывали свои стратегии поведения в условиях революционной изменчивости, отражающие их жизненные приоритеты, влияющие на общество в целом.

Исследователи негативным считают влияние смены властей на условия жизни населения Урала, замечая отсутствие единения в среде самих уральцев, сопровождающееся постепенным стиранием различий в имущественном положении граждан в направлении ухудшения качества жизни в сравнении с дорево-

¹² Телицын В. Л. К истории антисоветских выступлений // История крестьянства Урала и Сибири в годы Гражданской войны: Тезисы докл. Всерос. науч. конф. Тюмень, 1996. С. 62; Сафонов Д. А. Казачество в революции и гражданской войне. 1917-1922 гг. // Мир истории: Российский электронный журнал. 2001. № 6.

люционным периодом. Анализируя взаимоотношения личности и власти в условиях Гражданской войны, авторы заметили, что глубокий раскол в обществе, дошедший до военного противостояния, сопровождался маргинализацией населения, растущей по мере эскалации конфликта. Имело место нарушение равновесия между нерелексивными и релексивными типами поведения людей в пользу последних. В условиях повышенной мобильности, нарушения устоявшихся социальных связей, крушения прежних ценностей, массивного идеологического воздействия произошла деформация ментальности, охватившая все социальные слои. Исследование показало, что люди с общими ментальными корнями, живущие в похожих условиях, нередко имели неодинаковые жизненные ценности, строили разные планы на будущее, вырабатывали индивидуальную стратегию и тактику поведения, направленную на осуществление задуманного. Историки сделали много для анализа истории «белого движения». Углубленному анализу данного вопроса способствовало изучение Гражданской войны в контексте культуры «серебряного века», одним из проявлений которой и являлась идеология белого движения. Именно на основе понимания человека как существа, детерминированного противоречивой, конфликтной и трудно предсказуемой реальностью, авторы делают попытки объяснить самоопределение и социальное поведение людей, а также «колебания» уральцев от одних сил к другим на разных этапах борьбы. Такой подход открыл возможность объяснения поведения людей не только на основе ментального, обусловленного традицией, но и индивидуального, релексивного основанного на жизненных планах конкретных людей.

Третья глава - «Историки о формировании «советского человека» в годы Гражданской войны» - посвящена анализу итогов изучения историками гражданской позиции уральских управленцев, исследованию освещения в литературе процесса формирования рядового «советского человека» в годы войны, а также рассмотрению степени изученности роли красных комбатантов в гражданском противостоянии. В главе рассматривается подвижность социального состава населения Урала, дальнейшее сближение разных групп граждан по условиям и уровню жизни, ликвидация социальных различий между интеллигенцией, крестьянством, рабочими, бывшими буржуа и чиновниками, что свидетельствовало не о равноправии, а о маргинализации населения Урала, занятого в основном военными, а не мирными проблемами.

В публикациях 20-х гг. в основе образа «советского человека» лежал ленинский идеал коммуниста, о деятельности конкретных людей в 30-50-е гг. историки предпочитали не говорить. Во второй половине 50-х - 80-е гг. в литературе получила отражение деятельность некоторых руководителей, направленная на укрепление большевистского влияния в регионе. Современные историки заметили поражение лидеров вирусом «военной революционности», которая способствовала складыванию командно-бюрократической системы и личности военизированного образца. К. Б. Литвак, Е. Г. Гимпельсон, С. В. Устинкин установили черты, объединявшие большевистских лидеров — идеологическое единомыслие, нетерпимость к оппозиции, жертвенность ради идеи, прямолинейность. Путь к власти уверены А. В. Квашонкин, А. Я. Лившин, А. И. Черных, Ю. Стецовский, открывало активное участие в большевистской борьбе и членство в РКП (б). Появилось иерархическое неравенство, при котором преимущества имели выходцы из бедняков. Историки говорят о бюрократизации управления, усилении контроля «сверху» по отношению к рядовым гражданам, во многом обусловленных боязнью угрозы «снизу». Отрицательно сказывалась на положении в регионе, считают М. В. Ходяков и А. Л. Филоненко, децентрализация руководства, имевшая место в период вооруженного противостояния. Наметившаяся после изгнания белых практика государственного регулирования дала положительные результаты, но нехватка квалифицированных кадров, неумелое управление, губительная практика «назначенчества», отказ от разделения властей имели негативные последствия. Основную причину несчастий, судя по публикациям, население видело в неумелом управлении, не способном снять противоречия, имевшие место в обществе. Исследования И. Б. Петрова, А. Л. Литвина, В. М. Кружинова, Л. А. Обухова, И. В. Нарского значительно изменили наши представления о реалиях, в том числе и о «новых людях». Изменилась и оценка деятельности советов, на выборах которых люди могли продемонстрировать свою волю. Исследования показали неприятие советов значительной частью населения, что проявилось в нежелании прийти к избирательным урнам. Недовольство вызывала сама избирательная система, при которой преимущества имели члены РКП (б), пролетарии, бывшие бедняки, а ряд категорий граждан были лишены избирательных прав. Мнения историков разделились: от резкого отрицания эффективно-

сти системы советов до признания их роли в осуществлении жесткого централизованного управления, которое оправдывало себя в условиях послевоенной разрухи. В массовом сознании, считают Г. А. Олех, С. Н. Щеголихина, К. В. Харченко, управленцы нередко отождествлялись с новыми буржуа. Однако представления о том, что все противоречия в руководстве регионом имели только политическую подоплеку, не обоснованы. В. В. Канищев, И. В. Нарский, Л. А. Обухов считают, что партийцам не хватало элементарной культуры.

Лучшим материалом для большевистского эксперимента в советской историографии считали рабочих и красноармейцев, но по мере эскалации конфликта эти резервы были исчерпаны, что привело к поступлению в РККА, ковавшую «нового человека», разных людей, заложив основу маргинализации армии. На неоднородность социального состава армейских частей указывали П. В. Волобуев, Л. Г. Протасов, Н. С. Ларьков, С. И. Константинов. Однако «человек с ружьем» чаще всего и сейчас предстает в литературе личностью цельной, уверенной в правоте своего дела. Историкам еще предстоит показать красноармейца человеком думающим, сомневающимся, изменяющимся в ходе самой борьбы. В литературе пока мало внимания уделяется пестроте состава красных частей, а ведь в них, особенно в результате массовых мобилизаций, оказались разные люди. Правы исследователи, считающие, что длительный стресс, особенно связанный с проявлением жестокости, не мог не сказаться на характере россиян. И. С. Кузнецов, В. Л. Кожевин, А. С. Ахиезер писали об изменении социальной психологии, произошедшем под влиянием раскола общества. Ю. А. Стецура говорил о революционном пафосе и трагизме поколения 20-30-х гг. В. П. Булдаков, Н. В. Кладова считали, что под воздействием многолетней войны характер людей менялся не в лучшую сторону. Соглашаясь с ними, Н. Н. Попов отмечал притупление гуманных качеств личности. Е. Г. Гимпельсон, В. В. Лунеев, В. И. Бакулин, В. И. Исаев, И. А. Исаев, И. В. Нарский указывали на закономерную криминализацию общества в условиях войны. Они обратили внимание на факты девиантного поведения и морально-правовой деградации. Нельзя не согласиться с О. С. Поршневой и Е. С. Сенявской, которые увидели нарастание у солдат душевного кризиса, связанного с затягиванием и неудачами боевых действий, обострением трудностей, нестабильностью, общей усталостью,

неопределенностью их жизненных планов. Война, считают историки, стала базой для нарастания архаики в обществе.

Много сделали для понимания «нового человека» небольшие-вистские исследователи, но их достижения оказались забытыми советской историографией. Советские историки много внимания уделяли руководителям, героям Гражданской войны, оценивали их с классовых позиций: доказывая на конкретных примерах возможность достижения больших высот простыми людьми, при этом авторы не допускали негативных оценок коммунистов. Рядовому человеку внимания уделяли мало, авторы подчеркивали лишь объективность изменений, в которых гражданин являлся частичкой, несущейся по пути прогрессивного развития человечества. В современной историографии проблемы формирования «новой личности» считаются одним из самых важных направлений в изучении темы, ведь именно от твердости союзника в борьбе зависел успех большевиков. Историки установили, что более уверенно продвигались по социальной лестнице молодые мужчины, выходцы из пролетарских слоев, участники революционной борьбы, даже не имеющие хорошего образования и опыта работы, но являющиеся хорошими исполнителями указаний «сверху». Продвижение вверх могло быть быстрым, но и сползти вниз можно было за любой промах в проведении большевистской политики. Формирование «советского человека» шло тяжело, а идеал было трудно найти даже среди управленцев. Сегодня все участники конфликта видятся соревнующимися личностями, порождающими многочисленные конфликты в обществе разного масштаба и характера, нуждающиеся в серьезном изучении.

В четвертой главе - «Самоопределение и социальное поведение населения Урала в условиях главенства пролетарской диктатуры» - рассматривается изучение историками самоопределения и общественного поведения граждан, проживавших в регионе, после поражения белых, анализ ими динамичных изменений в социуме, происходящих под воздействием многочисленных причин. Все авторы хорошо понимали тяготы, с которыми сталкивалось население в годы войны. В советской литературе бедственное положение, сложившееся в рассматриваемый период, связывалось с разрухой, ответственность за которую возлагалась на белых. А. В. Бакунин одним из первых заявил, что

социалистический эксперимент привел к развалу хозяйства в регионе и, как следствие, к ухудшению качества жизни граждан. Большинство современных историков убеждены в материальной основе неудовлетворенности уральцев своим положением. Негодование вызывали нехватки всего и вся, привилегии руководителей, запрет заградительными отрядами провоза продуктов в нуждающиеся районы и многое другое. С. А. Красильников, В. М. Кириллов, Г. Я. Маламуд и В. В. Цысь доказывали, что обязательная трудовая повинность и мобилизации, применяемые большевиками, нехватка предметов первой необходимости и особенно продовольствия вызывали возмущение трудящихся. Историки А. А. Куренышев, В. В. Пундани, Т. В. Осипова, А. В. Иванов, П. А. Аптекарь заметили серьезные противоречия, имевшие место между горожанами и жителями деревни.

Большинство советских историков говорили о повороте крестьянства Урала на сторону большевиков к весне 1919 г. Рабочие представлялись ими непоколебимыми сторонниками советской власти. В последнее десятилетие эти представления серьезно изменились. М. А. Фельдман и И. К. Рафиков выявили структурные изменения в среде уральских рабочих, произошедшие за годы войны: имело место сокращение численности уральского пролетариата, понижение уровня его квалификации, вновь увеличилась связь рабочих с землей. Особенно тяжело было работавшим на производстве женщинам, труд которых оплачивался меньше, выросло количество подростков, занятых физическим трудом. Вспышек протеста против власти со стороны рабочих сразу после изгнания белых историки не отметили, но авторы подчеркнули недовольство деревни «переливом» управления в города. А. В. Бакунин определял политику большевиков как антикрестьянскую. Крестьяне были возмущены, подчеркивали С. А. Павлюченков, А. В. Квашонкин, А. Я. Лившин, В. Л. Телицын, Р. А. Хазиев, свертыванием рынка. Ю. А. Ильин усматривал демократизм в поведении крестьянства, возмущенного политикой большевиков, но эта мысль не отражает истинного положения дел. Деревенские жители были далеки от демократических устремлений, а их цели в большинстве случаев не выходили за рамки общинного идеала. Крестьянские ценности оказались устойчивыми и мало изменились в ходе борьбы. И. В. Нарский отмечал, что тенденция автономизации деревни рождала озабоченность и у большевиков, и у оппозиции.

Как подчеркивали М. Е. Главацкий, С. А. Красильников, В. М. Воинов, Т. Н. Осташко, Е. И. Дрокова, В. М. Кружинов, Л. И. Пыстина, к старым профессионалам стали относиться с предубеждением. После поражения белых, тем не менее, все больше интеллигентов, оставшихся в России, допускали сотрудничество с коммунистами. В. Л. Соскин убежден: интеллигенция вынуждена была подчиняться большевистскому начальству. А. В. Квакин, С. В. Устинкин, В. Д. Зими́на, В. М. Воинов считают одной из основных причин неудач интеллигенции ее политический «раскол», который, по мнению А. С. Ахиезера, дополнился душевным распадом. Российская интеллигенция не смогла выработать выгодную общественную позицию, осознать масштабы гражданского конфликта и защитить интересы своего народа.

Освобождение Урала от армий Колчака несколько успокоило трудящихся, но это успокоение оказалось недолгим. Если летом 1919 г. , судя по документам и некоторым утверждениям историков, настроение населения Урала было хорошее, то уже осенью оно стало меняться не в лучшую сторону: город был не доволен разрухой, а деревня изъятием продовольствия. Лояльность по отношению к властям после освобождения Колчака была скорее обусловлена отражением чаяний большинства народа, уставшего от военной диктатуры, а также сбором урожая 1919 г. в относительно мирных условиях, обеспечившим население продовольствием. В сводках информаторов осенью 1919 г. отмечалось неопределенно-выжидательное настроение у рабочих и враждебное у крестьян уральских губерний по отношению к большевикам. Города ждали продовольствия, а деревня думала о сокращении объема поставок. Ближе к зиме 1919/20 гг. в информационных бюллетенях появлялись сведения о пассивности крестьян, что объяснялось нежеланием давать городу хлеб. Горожане в свою очередь были недовольны нехватками продовольствия. Настроения людей быстро менялись: если во второй половине 1919 г. авторы заметили возвращение дезертиров в красноармейские части, то в 1920 г. вновь указали на рост дезертирства из армии и уклонение уральцев от мобилизаций в Красную Армию. Тревожные настроения, судя по документам, нарастали весь 1920 г. Весной 1920 г. продовольствия не хватало, и распределение продуктов носило классовый характер, Все очевиднее становится кризис власти весной 1920 г. : население стало выдвигать конкретные, в

основном экономические требования. С лета 1920 г. составлялись секретные сводки ЧК, Наркомата земледелия и Наркомата продовольствия о числе голодающих районов, при чем эти данные менялись в сторону увеличения числа голодающих. Историки отметили лишь временную стабилизацию положения осенью 1920 г. , справедливо связывая ее с улучшением продовольственного положения и сбором урожая 1920 г. , но это «зыбкое» спокойствие оказалось недолгим и переросло в мощное народное возмущение.

Продовольствие в государственных закромах быстро исчезало, что усугубило ситуацию на Урале зимой 1920-1921 гг. Антибольшевистские восстания в начале 1921 г. охватили, по данным Ю. А. Ильина, 118 уездов страны¹³. М. В. Шиловский предлагал говорить о крестьянских возмущениях 1921 г. как о надрыве уставшей деревни, видя основную причину ожесточения крестьян в распаде патриархального общества под воздействием революции и войны. В. П. Данилов, Л. В. Данилова, В. Л. Телицын указали на «общинную ментальность» российских крестьян, которая проявлялась в их архаическом желании решить насущные проблемы бунтом, стремлении таким методом уберечь традиции как в отношениях между людьми, так и в ведении хозяйства. Итогом неповиновения, утверждают многие историки, стали большие человеческие жертвы, разрушение хозяйства, а главным уроком - провал советской нерыночной политики. После Гражданской войны, доказывают В. М. Бухарев, Д. И. Локшин, М. В. Шиловский, сельское население стремилось к возвращению дореволюционного патриархально-общинного быта. В этой ситуации мнение историков, говорящих о серьезном общинном влиянии на деревенский коллектив, выглядит более убедительным, чем утверждения Ю. А. Ильина о демократических устремлениях деревенских жителей. Характеристика восстаний 1921 г. как крестьянских, а тем более кулацко-эсеровских, представляется наследием классового подхода. Изучение восстаний показывает, что в них участвовали не только крестьяне, но и другие категории населения деревни: интеллигенция, рабочие, служащие, военные, выброшенные голодом и неустроенностью из городов, а их направленность была антикоммунистической.

¹³ Ильин Ю. А. Советская власть и крестьянство (октябрь 1917 - начало 1921 гг.): Автореф. дисс... д.и.н. Иваново, 1999. С. 45.

Современным исследователям еще предстоит разобраться в динамичных изменениях, происходящих в годы войны, но и сейчас понятно, что они во многом зависели от положения с продовольствием. В этом отношении перспективными представляются утверждения авторов, говорящих о разных интересах города и деревни в войне, что приводило к затягиванию конфликта и длительному преодолению его последствий населением.

Пятая глава - «Историки о Гражданской войне как факторе повседневной жизни населения Урала» - посвящена изучению учеными общественной атмосферы и ее влияния на людей, оценке авторами социального статуса граждан в условиях войны, объяснению исследователями воздействия войны на повседневную, частную жизнь. Историки сразу указали на напряженную атмосферу, царившую в стране во время войны, во многом формирующую облик истории. Уже современники событий анализировали трудности, с которыми сталкивались люди в период гражданского конфликта, огромные людские потери с обеих сторон. Такое положение дел, уверены они, ухудшало атмосферу, делало ее взрывоопасной, усиливая напряжение. В исследованиях советских историков взяло верх мнение о том, что в общественной атмосфере победил пафос «революционной поступи пролетариата». Современные исследователи значительно изменили представления советских историков о характере общественной атмосферы в регионе. Этому способствовал выход в свет работ по истории хозяйственной жизни Р. А. Хазиева, М. В. Ходякова, а также по вопросам повседневности Н. Б. Лебиной, В. С. Измозика, С. В. Ярова, В. А. Шишкина, Е. А. Сикорского, И. В. Нарского. Публикации И. Я. Булгаковой, А. А. Мышанского, Н. И. Морозова, И. С. Кузнецова отражают степень изученности массовых настроений, которые не отличались, как это представлялось ранее, однородностью. В. П. Булдаков считает, что в годы войны многие пережили психологический кризис. В. Л. Семенов, С. В. Ямшиков отметили, что общество характеризовалось взрывной психологией и крайней политизацией. Люди, по их мнению, запутались: белые провозгласили русский национализм, а красные — пролетарский интернационализм. В итоге

столкнулись два революционных потока: красные и белые. Н. В. Греков считает, что подавленность население переживало и при том, и при другом режиме. Политизация масс нарастала по мере эскалации военных действий, ухудшения материального положения большинства граждан и падала под воздействием даже минимального улучшения ситуации. В период Гражданской войны демографическая ситуация ухудшилась. Население Урала, увеличившееся в начале Гражданской войны из-за миграции из центральных регионов, в 1921 г. стало сокращаться, что объяснялось снижением естественного прироста и оттоком населения с Урала из-за голода. Негативные изменения в массовом и в индивидуальном сознании многие авторы связывают с ухудшением качества жизни, а также террором, который применяли и красные, и белые. Не приветствовались, по мнению большинства историков, уральцами многие социально-экономические эксперименты большевиков. В публикациях А. В. Бакунина А. Л. Литвина, А. В. Михайличенко, М. Г. Деткова, Е. М. Гилярова, В. В. Лунева, В. И. Бакулина, В. М. Кириллова, С. А. Красильникова подтверждаются многие факты необоснованных репрессий. Нестабильность правового положения населения рассматривали И. А. Исаев, В. Н. Кудряшов, Н. И. Наумова. Проблемы права и революционной законности в период Гражданской войны обсуждались на ряде конференций. Историки отметили, что революционное правосознание отличалось динамизмом и отсутствием правовых традиций. Многие граждане были не удовлетворены неустойчивым правовым положением. Особенно не довольны были пролетарскими законами деревенские жители. Большевицкое право, базирующееся на революционной идеологии, не выдержало испытание временем. Вопросы правового положения населения в условиях войны остаются слабоизученными аспектами данной темы. В последнее десятилетие вышло значительное количество работ о трагедии семьи Романовых, произошедшей на Урале летом 1918 г. Однако исследователи пока не рассматривают то, какое сильное впечатление на все общество произвела расправа над царем, приведшая, по мнению некоторых современников этого события, к крушению государственности. В последнее время

стало известно о масштабности репрессий против церковнослужителей и верующих на Урале. Н. А. Кривова, М. Г. Нечаев, Н. И. Музафарова, А. В. Лямзин указали, что опубликованные данные о репрессиях служителей культа не являются полными. М. В. Булавин считает, что сочувственное отношение священнослужителей к белому движению вызывало жесткую ответную реакцию большевиков. Значительный вклад в анализ повседневной жизни уральцев внес И. В. Нарский, который первым поставил вопросы частной жизни в центр исследовательского поиска¹⁴. Среди проблем, нуждающихся в углубленном изучении, можно выделить историю взаимоотношений советской власти и верующих, регламентацию правовых, особенно земельных отношений в стране, влияние политики «военного коммунизма» на качество жизни населения, дальнейший анализ истории повседневности и индивидуальной жизни.

Историки приблизились к рассмотрению серьезной перестройки социума в изучаемый нами период, результатом которой стала не только напряженная общественная атмосфера, сложившаяся под воздействием революции и войны, но и формирование «нового человека», основные контуры которого начали просматриваться в конце Гражданской войны. Сегодня ученые хорошо понимают - не только видные деятели, но и простые люди, их повседневные заботы должны стать объектом пристального анализа. Размеренная жизнь деревни оказалась глубоко задета динамичными преобразованиями периода Гражданской войны, города стали центрами революционных потрясений, перемены сопровождались масштабными миграциями и маргинализацией населения. Милитаризация всех сторон жизни нарушила традиционный ритм жизнедеятельности людей, усиливала напряжение в обществе, создавала условия для новых конфликтов. В частной жизни последствия войны оказались труднопреодолимыми и сказывались особенно долго.

Автор обосновывает справедливость вывода историков о том, что стремление к формированию монолитного общества равных тружеников путем уничтожения «вредных классов», независимых общественных институтов, частной собственности, привело

¹⁴ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 - 1922 гг. М., 2001.

к тому, что роль государства по защите интересов личности была сведена к нулю. Классовая иерархия, в сочетании с идеологической монолитностью общества, достигнутая военным путем, привела к складыванию примитивной социальной модели, в которой не было места оппозиции. Будущее виделось за рабочими, крестьянами и по-советски настроенной интеллигенцией. Лояльное отношение к большевикам являлось неременным условием достижения задуманного. Однако это была лишь внешняя сторона происшедшего, она не отражала сложности положения, в котором оказались рядовые граждане, не улавливала того состояния диффузии, в которой находилось общество. Классовая принадлежность не всегда отражала мировоззрение человека, и не могла объективно предопределить его социальное поведение в условиях войны. Пренебрежение к личности, не гарантированность безопасности оказались возможными в силу негативных изменений, произошедших в обществе в ходе Гражданской войны. В годы войны появилась неуверенность людей в будущем, повысился риск незащищенности. Однако вопрос социального статуса личности - одна из самых слабо разработанных проблем истории Гражданской войны. Это связано с невниманием к роли личности в истории, господствующим в период утверждения марксистских подходов к изучению проблемы, которое и сейчас преодолевается с большим трудом.

В главе подчеркивается важность смещения интереса историков в сторону изучения личной жизни «маленького человека». Общей чертой частной жизни стали ее подконтрольность, подчиненность общественному делу. Изменения периода Гражданской войны дошли до глубинных основ не только общественной, но и индивидуальной сферы существования, сломали ее устои, посягнули на менталитет, генетический код россиян. Однако традиции, складывавшиеся веками, не могли трансформироваться в одночасье. Вынужденные перемены заложили основу распада цельной личности. Появилось две правды: одна - для собраний и митингов, другая - для близких людей, шел процесс нарастания отчуждения как между людьми, так и между человеком и созданным им обществом. Часть граждан и в этих условиях нашла путь к самореализации и чувствовала себя вполне комфортно, а другие, не находя применения своих творческих сил и самостоятельности, разочаровывались, теряли веру в пер-

спективу социалистического строительства. Революционные изменения населению пришлось признать, но это не значит, что все с ними внутренне были согласны. Заданные социумом коллективные цели вели к единообразию не только в общественной, но и личной жизни, сужали сферу индивидуального существования, делали внешне похожими разных людей, сокращали поле деятельности творческих личностей. Полное подавление оппозиции не принесло оживления и всеобщего ощущение победы советскому обществу, о котором говорилось в многотомных советских изданиях.

В главе подчеркнуто, что современная историческая наука подошла к очевидной возможности осмысления накопленного материала по проблеме роли не только церкви, ни и верующих в общественной, политической и культурной жизни страны. Серьезным пробелом в исследовании темы остается тот чувственный уровень осмысления событий, который особенно свойствен людям, живущим «в эпоху перемен», в этом отношении исследование роли церкви в духовной жизни общества способствовало бы изучению проблемы. Если в советской историографии утвердилось мнение о том, что большевики победили потому, что их дело было правым, то на основании многочисленных источниковых данных можно утверждать, что их победа была в значительной степени обусловлена усталостью людей от войны и, в конечном итоге, кризисом веры, который имел место в обществе. Автор приходит к заключению: война явилась худшей частью обывденной жизни граждан независимо от их социального статуса, взглядов и общественного поведения, она обусловила дефицит доверия, социального оптимизма, а также нарастание недовольства таким положением. Представляется правильной позиция, в соответствии с которой население рассматривается как втянутое в гражданский конфликт, но стремящееся на протяжении всей войны к сторонней позиции, удержать которую в условиях военного противостояния оказалось невозможно.

В заключении диссертации подведены основные итоги изучения историками жизнедеятельности человека в условиях Гражданской войны на Урале на каждом из этапов развития отечественной исторической науки. Автор пришел к заключению, что указанные вопросы ставились в отечественной историографии уже в 1920-е гг. Однако схематичные методологические подхо-

ды, ограниченный доступ к источникам не позволяли развивать исследования в данном направлении. Советские авторы основное внимание сфокусировали на изучении биографий, роли вождей в революции и войне. Им удалось доказать, что деятельность большевистских лидеров во многом соответствовала ожиданиям их сторонников. Советские ученые, несмотря на однообразие методологии, ограниченный доступ к источникам, сделали много для подготовки базы всестороннего анализа жизнедеятельности человека в локальных социумах. Они активно разрабатывали влияние смены властей на условия жизни населения Урала, анализировали взаимоотношения личности и власти в условиях Гражданской войны. Исследователи сделали много для выявления сущности, задач, методов борьбы, причин победы красных, а также провала «белого движения». Авторы поставили вопрос о месте рабочих и крестьян в гражданском противостоянии на Урале, сделали попытку объяснить «колебания» крестьянства на разных этапах борьбы. Трудности, с которыми встречались уральцы, рассматривались как результат конфронтации, виновником которой являлись контрреволюционные и монархические элементы. Ограниченность в изучении темы, особенно в разработке повседневности периода войны, объяснялась еще и тем, что советские историки оказались за «железным занавесом», в отрыве от достижений мировой исторической науки.

Существенным достижением современной историографии является то, что главным критерием оценки работ является профессионализм автора, а не его политические привязанности. Сегодня во главу угла исследователи поставили человека. Ученые рассматривают Гражданскую войну как целостный динамичный процесс, охвативший все стороны жизнедеятельности людей. Вместе с тем они продолжают усматривать в ходе Гражданской войны несколько этапов. Некоторые считают, что Гражданская война началась сразу после революции в октябре 1917 г. Начальный период войны характеризовался прежде всего тем, что политическая конфронтация в стране нарастала, а социально-экономические проблемы обострялись. Следующий период, весны — лета 1918 г. , отмечен открытым военным противостоянием, когда в авангарде антибольшевистских сил стояли «демократы». Осень - зима 1919/20 гг. , когда антибольшевистские силы возглавляли военные диктаторы, считается отдельным периодом. Сегодня большинство авторов

включает историю крестьянских восстаний 1921 г. в события Гражданской войны.

Важным фактором, влиявшим на поведение людей, стали считаться не только социально-экономические, но и ментальные, культурно-исторические, психологические характеристики, способы коммуникации, особенности языка революционной эпохи. Рассматривая факты раскола общества, непонимания между разными группами населения, постоянно меняющегося соотношения противоборствующих сил и, как результат, применение жестких методов борьбы, вплоть до террора, изучая тему в плоскости конфликта из-за отсутствия в первую очередь идентичности жизненных ценностей, авторы ушли от классового подхода. Удалось преодолеть и идеализацию лидеров противоборствующих сторон при создании их образов. Интерес историка перемещается к исследованию положения рядового гражданина. Исследования показали, что чаще всего простые граждане стремились уйти от конфликта, занять позицию нейтралитета, тем самым определив свою линию в борьбе. Тяжелые условия жизни населения Урала современные историки не считают неизбежностью, обусловленной только войной, а рассматривают как результат раскола общества, имевшего множественные причины, охватившего все население, город и деревню, военных и гражданских, лиц старого и молодого возрастов, без учета религиозных и национальных интересов. Гражданская война сегодня рассматривается большинством историков как крайнее выражение состояние напряжения, конфликт власти и народа, как анархия, правовой нигилизм, жесткая борьба за ведущее положение, в которую, вольно или невольно, оказалось втянуто практически все население страны. Изменилось осмысление истории повседневности, частной жизни. Проблема оказалась гораздо серьезнее, явилась более глобальной, чем представлялось ранее. Изучение частной жизни, индивидуального поведения, наряду с общественной деятельностью, позволяет более полно представить ситуацию в заданное время на локальной территории, дает возможность проанализировать самоопределение и деятельность конкретных людей. Актуализация историко-антропологических сторон Гражданской войны обусловлена изменениями в развитии общества в целом, свежими тенденциями в исторической науке. Большинство ученых отказались от упрощенной схемы

освещения Гражданской войны как борьбы красных и белых, как противоборства только политических сил. Авторы стремятся к рассмотрению громадного полотна событий, действующими лицами которых являлось все население.

Наиболее интересна тенденция к рассмотрению Гражданской войны как конфликта глобального, коснувшегося не только властной, международной, военной, социально-экономической, но и нравственной, культурной, частной сферы жизни, приведшего к непримиримому противостоянию людей с разными жизненными ценностями, заполнившего все стороны человеческого бытия, конфликта, в котором каждый стремился к элементарному выживанию. Такой подход является одним из самых трудных, но наиболее эффективных в изучении темы.

Автор пришел к заключению, что причины войны коренились в непонимании между властью и народом, в отсутствии их рационального взаимодействия для решения насущных задач. Среди проблем углубленного изучения можно выделить политику советской власти по отношению к церкви и верующим, регламентацию правовых отношений в стране, влияние государственной монополии на качество жизни населения, непопулярность политики «военного коммунизма» и в целом власти диктатуры пролетариата среди рядовых граждан. Особенно не приветствовались, по мнению большинства историков, уральцами социально-экономические эксперименты большевиков. Мероприятия «военного коммунизма», связанные с идеями ликвидации частной собственности, свертыванием рыночных отношений, осуществлением продразверстки, изъятием у крестьян всех излишков сельскохозяйственной продукции, введением распределительной системы и утверждением командно-административных методов управления, а также пренебрежением к недавно завоеванным демократическим свободам, далеко не у всех вызывали понимание. Вопросы правового положения населения являются одними из самых трудных и слабоизученных аспектов темы.

По мнению автора, на Урале на протяжении войны сохранялась оппозиция большевикам, которая в разные периоды борьбы проявляла себя по-разному. Недовольство советской властью с той или иной степенью осторожности выражали многие бывшие крупные и мелкие собственники, пострадавшие от национализации, чиновники, потерявшие свои посты после револю-

ции. Возмущены были духовенство, военные, «правые», отстаивающие незыблемость монархии, «левые», поддерживающие демократию и завоевания Февральской революции, а также рабочие, крестьяне, казачество, недовольные отсутствием стабильности и снижением уровня жизни. Однако оппозиционность значительной части населения Урала мало исследуется историками.

Большинство авторов ушли от идеализации политических и военных лидеров как красного, так и белого движений, по-новому оценили причины побед над военной диктатурой Колчака. Сегодня возобладала точка зрения на то, что к лету 1919 г. большинство населения разочаровалось во власти военного диктатора и не поддерживало ее. Значительных успехов историки добились в исследовании крестьянского движения в период Гражданской войны, справедливо считая, что от позиции крестьянства во многом зависел ход и исход борьбы. Авторы указывают на то, что крестьянство во многом определяло силу положения каждой из сторон, участвующих в конфликте, и именно за деревню шла борьба лидеров, воюющих сторон. Наименее исследованным является последний период Гражданской войны. Историки обращают внимание на то, что позиция среднестатистического гражданина значительно изменилась с зимы 1919/1920 г. к зиме 1920/1921 г. Так, если в первом случае большинство населения поддерживало большевиков, то к зиме следующего года, под влиянием разверсток, не только разочаровалось, но и встало в оппозицию к советской власти. Исследователи обратили серьезное внимание на огромные людские потери с обеих сторон. Они делают первые шаги в анализе произошедшего психологического надлома в сознании людей, переживших ужасы войны.

Автор пришел к заключению, что новые оценки историко-антропологических сторон Гражданской войны на Урале обусловлены реальным плюрализмом мнений, иной ситуацией, сложившейся в самой науке. Основой итог исследований состоит в том, что методологический кризис в изучении темы преодолен, возвращение к схематичному подходу в исследовании истории Гражданской войны стало невозможным. Сегодня авторы сосредотачивают пристальное внимание на комплексном исследовании имеющихся источников и литературы, используя новые методологические и методические приемы, представляются важными результаты исследований, сделанных на стыке наук — философии, истории, политологии.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Освещение истории обороны Перми зимой 1918-1919 г. в советской исторической литературе // Историография гражданской войны на Урале: Тезисы межвузовской научной конференции. Челябинск: ЧГПИ, 1985. С. 37-39. 0,3 п. л.
2. Организация научных исследований по истории гражданской войны на Урале во второй половине 1950-х - начале 1980-х годов // Урал и проблемы региональной историографии Свердловск: УрГУ, 1986. С. 52-54. 0,3 п. л.
3. Источники изучения истории борьбы с колчаковщиной на Урале // Историография социально-экономического развития Урала в период строительства основ социализма. 1917-1937 гг. Свердловск: УрГУ, 1987. С. 111-123. 0,2 п. л.
4. История первых лет Советской власти в современной исторической литературе. Тюмень: ИПК ПК, 1992. 44 с. 2 п. л.
5. Красные и белые: Глава 8 // Очерки истории Тюменской области. Тюмень: Изд-во «Тюмень», 1994. С. 162-167. 0,2 п. л. (в соавторстве с В. А. Даниловым, В. М. Кружиновым).
6. Историки о политической позиции крестьянства в период борьбы с колчаковщиной // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тезисы Всероссийской науч. конф., посвящ. 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. Тюмень: ТюмГУ, 1996. С. 56-58. 0,3 п. л.
7. Материалы ГАТО как источник по истории Гражданской войны // Архив и исследователи: Сотрудничество в интересах настоящего и будущего: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию Государственного архива Тюменской области. Тюмень: ГАТО, 1997. С. 68-70. 0,4 п. л.
8. К портрету современного исследователя истории Гражданской войны в России // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тюмень: ТюмГУ, 2000. С. 22-24. 0,3 п. л.
9. Антропологический фактор в источниках по истории Гражданской войны // Документ. Архив. История. Современность. Материалы науч. -практ. конф. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 141 — 147. 0,3 п. л.
10. Гражданская война в Тобольской губернии: итоги осмысления // Налоги. Инвестиции. Капитал. Тюмень: Администрация Тюм. области. 2000. №1-2. С. 14-25. 0,2 п. л.

11. История крестьянского восстания 1921 года в Западной Сибири в исследованиях 20-х гг. // Исторический сборник: Вып. IV. Тюмень: ТюмГУ, 2000. С. 161-171. 0,2 п. л.

12. Историки о судьбах продработников в 20-е гг. : К историографии восстания 1921 г. в Тюменской губернии // Словцовские чтения - 2000. Тюмень: ТОКМ, 2000. С. 170-173. 0,3 п. л.

13. П. А. Россомахин и его неопубликованные рукописи // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея - 1999. Тюмень: ТОКМ, 2000. С. 84-101. 0,2 п. л.

15. Кризис веры как феномен русского национального самосознания: 20-е гг. XX в. : К историографии проблемы // Религия и церковь в Сибири: Вып. 13. Тюмень: ТюмГУ, 2000. С. 64-87. 0,2 п. л.

16. Еще раз о причинах поражения белого движения в Сибири: К историографии вопроса // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии. Нижневартовск: Нижневартовский ГУ, 2000. С. 92-96. 0, 3 п. л.

17. Человек общество: кризис взаимопонимания // Налоги. Инвестиции. Капитал. Тюмень: Изд-во администрации Тюм. обл., 2000. С. 25-32. 0,2 п. л.

18. История роли продработников в событиях 1921 г. в Тюменской губернии // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: Материалы межд. науч. конф. Ишим: ИГПИ, 2001. С. 170-173. 0,3 п. л.

19. Государственная политика в области краеведческой деятельности в 1920-е годы // Три века сибирской школы: Тез. Всерос. науч. конф. Тюмень: ТГПИ, 2001. С. 78-83. 0,3 п. л.

20. Менталитет и самоопределение современного историка // Урал в XX в. : Экономика и политика. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 38-42. 0,3 п. л.

21. Материалы Тюменского губернского отдела юстиции 1919—1921 гг. как источник // Архивный фонд РФ: Феномен, мифы и реальность: Тез. межд. науч. конф. М. : РГГУ, 2001. С. 77-80. 0,3 п. л.

22. «Хлеб насущный» как жизненная ценность российского крестьянства // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: Материалы межд. науч. конф. Ишим: ИГПИ, 2001. С. 43-49. 0,3 п. л. (в соавторстве с Д. Л. Скипиным).

23. «Квартирный кризис» в Тюмени. 1919-1921 гг. // Словцовские чтения - 2001. Тюмень: ТОКМ, 2001. С. 68-70. 0,3 п. л. (в соавторстве с О. С. Волошанской).

24. А. В. Колчак в оценке историка-современника С. П. Мельгунова // Словцовские чтения - 2001. Тюмень: ТОКМ, 2001. С. 70-72. 0,3 п. л.

25. Материалы Тюменских архивов как источник о причинах крестьянского восстания 1921 г. // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: Материалы межд. науч. конф. Ишим: ИГПИ, 2001. С. 49-54. 0. 3 п. л. (в соавторстве с Н. В. Иконниковой).

26. Современные исследователи о советских управленцах 1919 -1921 гг. (на материалах Урала и Зауралья) // Словцовские чтения - 2002: Тез. Всерос. науч. конф. Тюмень: ТОКМ, 2002. С. 99-101. 0,3 п. л.

27. Убежденные и покинутые // Тюменский исторический сборник: Вып. V. Тюмень: ТюмГУ, 2002. С. 115-122. 0,2 п. л.

28. Интеллигенция Урала (1919-1921 гг.): Итоги историографического и источниковедческого изучения // Документ. Архивный документ. Исторический источник: Материалы регион, науч. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2002. С. 134-150. 0,2 п. л.

29. Труды Н. В. Устрялова как источник по истории Гражданской войны // Толерантность и власть: Судьбы российской интеллигенции: Тез. межд. науч. конф. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2002. С. 316-318. 0,3 п. л.

30. Научное наследие П. И. Рощевского: К историографии Гражданской войны в Зауралье // Материалы науч. конф. , посвящ. 100-летию со дня рождения П. И. Рощевского. Тюмень: ТюмГУ, 2003. С. 9-23. 0,2 п. л.

31. Современные исследователи'об общественной атмосфере на Урале в годы Гражданской войны // Вопросы гуманитарных наук. 2003. № 2. С. 16-19. 0,2 п. л.

32. Материалы Тюменских архивов о повседневной жизни населения периода Гражданской войны // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 34-43. 0, 2 п. л.

33. Современные исследователи о социальной атмосфере в России в период Гражданской войны // Вестник Тюменского университета. 2003. № 1. С. 213-216. 0,2 п. л.

34. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 214 с. 18 п. л.